

Шамрай В.В.
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ ПОСТТОТАЛИТАРИЗМА

В настоящее время большой массив стран оказался в положении общества, пережившего господство тоталитарного режима и его крах. Возник феномен посттоталитарного общества – т.е. социума, все основные сферы и начала жизнедеятельности которого подверглись той радикальной деструкции, которую заключает в себе тоталитаризм. Длительное господство тоталитарного режима приводит к нарушению и разрушению самих основ воспроизводства общественной жизни, в связи с чем для посттоталитарного общества ключевое значение приобретает проблема исторического выживания – восстановления основных функций жизнеобеспечения общества, установление правопорядка, обеспечения ключевых гражданских прав и т.д.

В связи с этим возникают два взаимосвязанных вопроса. Первый: какова природа социального кризиса, олицетворением и воплощением которого стало посттоталитарное общество? Второй: как возможно преодоление посттоталитарного состояния, каковы перспективы разрешения названного социального кризиса? Первый из вопросов обращен к прошлому, второй – к будущему. Но оба они непосредственно касаются настоящего – того положения, в котором находятся ныне посттоталитарные общества. Обратимся к их рассмотрению.

Тоталитаризм следует рассматривать как одно из важнейших следствий индустриального общества и как главный социальный порок последнего. По существу, тоталитарный режим оказывается средством исторической консервации индустриального общества. Однако не просто консервации социума в определенном состоянии и укладе жизни, а консервации особого типа общественной жизнедеятельности, который фиксируется здесь понятием индустриального общества. Сколь бы ни развивалось общество, так сказать, наглядно, предметно и пространственно, сохранение в основе его деятельности одних и тех же глобальных установок, интенций, форм восприятия действительности делает его одним и тем же, постоянно воспроизводящимся типом общественной системы. Поэтому в этом случае можно говорить о консервации определенного общественного устройства, в особенности когда такой социум не примет каких-либо перемен в основах своего существования и стремится закрыть себя от любых внешних влияний.

Индустриальное общество порождает два глобальных кризиса. Оба они связаны с бесконтрольным и ничем не ограниченным применением технологий. Первый кризис – экологический, вызванный несоразмерным с возможностями природы (как окружающей, так и человеческой) применением промышленных и сельскохозяйственных технологий. Второй кризис – социальный, вызванный столь же неумеренным и произвольным применением социальных технологий, начисто игнорирующих природу общества как самовоспроизводящейся, саморегулируемой системы.

Второй из этих кризисов получил свое наиболее наглядное выражение в образовании и истории тоталитарных режимов, фундаментальной альтернативой которым в практике современного человечества стало гражданское общество, которое приняло на себя двоякую задачу: конструктивного преобразования социума и разрешения губительного социального кризиса индустриального общества вследствие неконтролируемого и произвольного применения социальных технологий.

Тоталитарное и гражданское общества являются социально-экономическими, культурными и даже духовными антиподами. Тоталитарный порядок вырастает из идеи ничем не ограниченного социального конструктивизма, основанного на прямом властном действии, неизбежно приобретающим насильственный и репрессивный характер.

Напротив, гражданское общество вырастает как тип общественной организации, построенной на основе развития процессов общественной саморегуляции – т.е. создания такого режима общественной жизни, при которой все общественные функции и процессы принимали бы форму саморегулирующихся систем. Роль государства и власти в этом случае сводится лишь к чрезвычайно ответственной функции поддержания социальной свободы, т.е. общего порядка воспроизводства общественной жизни, который служит в то же время основой творческого действия всех социальных и личных волей.

Для посттоталитарного социума гражданское общество, таким образом, приобретает значение глобальной нормализации общественной жизни, восстановления жизнеспособности общественного организма вообще. Поэтому его нельзя расценивать как отвлеченный социальный идеал или проект, а в первую очередь следует понимать как способ разрешения проблем того состояния, в котором оказывается общественная жизнь вследствие господства тоталитарной системы.

Чтобы выяснить возможности преодоления вызванных тоталитаризмом деструкций сфер общественной жизни, возникающие при этом проблемы и препятствия, а также чтобы оценить перспективу, равно как и направленность социальных «восстановительных работ», следует прежде всего прояснить сам характер и масштаб разрушений, которые производит в ткани общественного бытия господство тоталитарного режима.

Анализ посттоталитарного общества имеет множество аспектов и измерений. Мы остановимся на трех ключевых аспектах, которые, на наш взгляд, позволяют оценить ситуацию посттоталитарного общества в целом. Это, во-первых, организация общественной жизни, во-вторых, состояние

социальных институтов, в-третьих, положение личности (проблема гражданина).

Первый аспект. В плане организации общественной жизни тоталитаризм принимает форму всевластия государства, результатом чего является деформированная социальная инфраструктура и извращенная, искусственная система ценностей и приоритетов общественной жизни. Тоталитарный социум – общество, находящееся в состоянии постоянной всеобщей мобилизации или непосредственного ведения войны (с внешним и внутренним врагом, с силами природы, с недостатками людей и т.п.). Все так или иначе оказываются призванными для решения единой глобальной задачи (например, выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства), которая становится единственным и универсальным мерилом всех иных процессов, стремлений и потребностей. В посттоталитарном обществе исчезает эта единая, все себе подчиняющая задача. Одновременно общество выходит из состояния всеобщей мобилизации. Начинают «брать свое» частные потребности, интересы и стремления, и в то же время обнаруживается патологическая неспособность существующего общества их сколько-нибудь достойно удовлетворить.

Экономика, сосредоточенная на решении милитаристских задач, теперь в основном своем производственном потенциале становится ненужной обществу, бесплодной и обременительной для него. Социальная инфраструктура, рассчитанная на государственно регламентируемые социальные, пространственные, имущественные подвижки населения и отдельных слоев, неспособна выдержать напор всеобщего желания «иметь здесь и сейчас», «быть там, где хочу», «делать то, что считаю для себя нужным» и т.п. При всей их естественности, и именно вследствие своей естественности, эти желания-стремления оказываются более разрушительными для старого общества, чем любое стихийное бедствие или даже война. Можно сказать, что исчезновение всеобщей государственной воли, печать которой определяла ход всех процессов и место каждого человека в обществе, произвело эффект взрыва более ничем не сдерживаемых социальных и индивидуальных волей. Посттоталитарное общество переживает ничем не контролируемый выброс в пространство общественной жизни той витальной и социальной энергии, которая сдерживалась и отчасти использовалась в превращенном виде прежним тоталитарным порядком. Этот социальный взрыв не менее опасен, и не менее разрушителен, чем революция. Он способен смести любую социальную упорядоченность жизни и даже привести к «новому варварству».

Второй аспект. В тоталитарной системе все социальные институты являются, без преувеличения, квазиинститутами. Они – не более чем фрагменты всеобщей, тотальной социальной воли и как таковые не имеют собственного, самостоятельного значения. В сущности, каждый из социальных институтов решал ту задачу, которая предписывалась ему тотальной государственной волей. Насколько смысл и направленность этой задачи отвечали сущности того или иного института, обычно ничуть не принималось в расчет. Вследствие этого социальные институты стали в значительной мере заниматься не свойственными им, извращенными задачами, заботясь не о смысле своей общественной функции, а о выполнении предписаний власти.

Крах тоталитарной системы сделал ненужным или почти ненужным извращенное существование социальных институтов. От этих социальных квази-органов общество вдруг стало ожидать выполнения естественных для них функций. Если прежде деятельность любого института была сориентирована на выполнение распоряжения (инструкции, приказа, установления такого-то порядка дел), то теперь каждый из институтов стал перед необходимостью выполнить ту задачу, которая свойственна его общественной природе. Но это «возвращение к своей природе», восстановление нормального места и функционирования необходимых социальных институтов в системе общественной жизни (равно как и отмирание или радикальное реформирование искусственных структур тоталитарного общества) оказывается не менее сложным и болезненным, чем руссоистское «возвращение к природе» для человека XVIII века. Лишившись привычной системы социальных координат, социальные институты посттоталитарного общества оказались в состоянии внутреннего разлада и беспомощности. Возникшая перед ними задача самоопределения и принятия под свою реальную ответственность характерных для них общественных функций, весьма сложна сама по себе, и к тому требует времени для своего разрешения. Но жизнь – непрерывный цикл, в котором постоянно и непрерывно задействуются все социальные институты. Поэтому их трансформация и «переналадка» идут параллельно с их непосредственной деятельностью в общественном процессе. Что не может тяжелейшим образом не сказываться как на самом этом процессе, так и на эволюции социальных институтов.

Третий аспект. Крайне тяжелое состояние посттоталитарного общества усугубляется неразвитостью личностного начала общественной жизни. Не трудно видеть, что в тех странах, где традиция личной инициативы и ответственности, личных прав и обязательств была более развита (скажем, Чехия, Венгрия, Польша, прибалтийские государства и т.д.), решение проблем посттоталитарного общества нашло в личности гражданина серьезную точку опоры. Напротив, в тех странах, к числу которых принадлежит и Украина, где по тем или иным причинам подлинный гражданский этос пребывает в весьма неразвитом состоянии, посттоталитарный общественный кризис приобретает самый драматичный и тяжелый характер. Смысл этоса гражданина можно выразить в нескольких понятиях. Среди них особое место занимают качества самообладания, вменяемости, ответственности, решимости, самодеятельности.

Тоталитарное общество приучило человека жить в безропотном ожидании. Он обязан был выполнять предписанную ему функцию и терпеливо ожидать того, что ему государство сообразованно дать. Причем никогда не существовало прочной и прямой зависимости между объемом и качеством труда с одной стороны, и наградой государства с другой. Это естественно, ибо по сути индивид в тоталитарном обществе не смел ни на что претендовать. Он имел лишь то, что устанавливало государство, и потому государство было вправе в любой момент лишиться его любой из милостей и вообще распорядиться им, его здоровьем, судьбой и жизнью так, как ему – носителю тотальной верховной воли – заблагорассудится (т.е. в соответствии с тем, что само государство сочтет благим и полезным для общества).

Отсюда удивительно многообразная палитра человеческих обликов, характеров и типов, вылепленных тоталитарной системой. Но через все проявления трусости и отваги, безропотности и наглости, подлости и самоотверженности, цинизма и преданности, своекорыстия и энтузиазма проступает определяющая черта этоса тоталитарного человека – покорность судьбе. Это человек, ощущающий исполнения над собой и в своей жизни некоей судьбы – счастливой или горестной, благополучной или неудачной, высокой или ничтожной. Но какая бы она ни была, и как бы ни понималась тоталитарным человеком, он всецело отдает себя в ее власть. Все его усилия – это усилия к тому, чтобы дать свершиться над ним возможно лучшей судьбе, но самой идее судьбы он безотчетно покорен. Оттого и высшей добродетелью тоталитарного общества становится покорность, послушание, вписанность в заданные рамки. Именно эти качества обеспечивали личности наибольший социальный вес и успех (соединенные, разумеется, с некоторыми иными качествами, необходимыми для дела, но часто, как ни парадоксально, даже при отсутствии последних).

В посттоталитарном обществе исчезает и эта важнейшая основа прежнего общественного порядка. Покорности, основанной на подотчетности высшей воле, больше нет. Человеческое ожидание перестает быть контролируемым. Люди хотят «нормальной жизни», вкладывая в это понятие обычно то, чего никогда не имели, но что действительно необходимо для человека современного цивилизованного общества. Воспаленное общественное сознание, выхватывая из прошлого редкие фрагменты относительного благополучия, складывает мозаичный портрет «светлого прошлого», столь же ложный и нереальный, как долгое время пленявший этих людей образ «светлого будущего». Они сравнивают нынешнее трудное время социального кризиса не с периодами прежних бедствий, а с тем весьма кратким временем скудного довольства, которого достиг «реальный социализм» путем чудовищных жертв и преступлений.

За каждое из своих «достижений», за выход из каждого своего кризиса тоталитарное общество заплатило миллионами жизней и судеб. Напротив, люди посттоталитарного общества не желают ничем жертвовать для разрешения нынешнего социального кризиса. Вполне естественно нежелание людей отдать свои жизни и корезить свои судьбы ради как будто эфемерных социальных целей. Но посттоталитарный человек вообще не желает ничего отдавать: ни свой труд, ни свою волю, ни ум. В известном смысле его можно понять, т.к. слишком часто он попросту не имеет ни одного, ни другого, ни третьего. Но даже то небольшое, чем располагают люди посттоталитарного общества, они не готовы, не хотят или не умеют приложить в сложившихся общественных условиях. Они, по существу, находятся в том же пассивном, но теперь уже нетерпеливом и все более агрессивном ожидании, которое составляло отличительную черту их психологии в тоталитарной системе. Поскольку это ожидание все более шокирующим образом не удовлетворяется и, с другой стороны, сняты все узы для выражения «собственной воли», следствием оказывается возрастающая агрессивность одних и апатия других. Население, так и не ставшее гражданским сообществом, постепенно превращается в весьма однородную в своем общественном настроении и самоощущении массу. Слова «плохо жить» становятся трюизмом, обсуждение роста цен, невыплаты зарплат и выражения недовольства – почти единственным содержанием общения, уныние и злость – преобладающими общественными эмоциями. Большинство из тех, кто несет в себе более созидательные импульсы, стремятся покинуть страну.

Можно констатировать: острота проблем посттоталитарного общества обусловлена не только тем, что обнаружила свою разрушительную суть тоталитарная общественная система, но и тем, что полную свою несостоятельность выказала созданная тоталитаризмом человеческая личность. В ней не оказывается почти ничего, на что мог бы опереться процесс восстановления жизни и общественного порядка в его человечески нормальном, естественном виде. Этот фактор, как и рассмотренное выше состояние организации общественной жизни и социальных институтов в условиях посттоталитаризма, делает проблематичным спонтанный переход непосредственно к ценностям и нормам гражданского общества из нынешнего общественного состояния. Напрашивается мысль, что в обществе должна явиться сила, которая сумеет сдержать социальное разложение и предотвратит сползание общества в хаос, из которого может явиться только новый тоталитарный режим. Такой силой в настоящий момент может стать лишь достаточно крепкая государственная воля, которая сумеет обуздать самое себя, восстановит ткань общественной жизни, разорванную господством кланово-корпоративных интересов и создаст ограниченный в своем объеме, но реальный правопорядок. Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости

формирования в посттоталитарном обществе умеренно авторитарного режима, без действия которого продвижение к гражданскому обществу и восстановление жизнеспособности общества в условиях посттоталитаризма едва ли будет успешным и чревато опасностью социального хаоса и возрождения тоталитаризма.